

Посвящается
моей жене Меган.

Встреча с тобой изменила все,
включая эту историю.

1

Люди говорят, что от любви до ненависти один шаг.

Раньше я считала, что люди — дураки. В большинстве своем дураки. Что какие-то непонятные люди знают о любви? Или о ненависти, если уж на то пошло? А потом я начала встречаться с Вероникой Мэттьюз.

Вероника Мэттьюз...

Эта девушка вдохновила меня на каминг-аут так стремительно и бесповоротно, что голова кружилась еще несколько недель. Наш первый поцелуй изменил и мою жизнь, и меня как человека. Даже после года отношений у меня нет слов, чтобы полноценно его описать.

Родители удивились, но быстро пришли в себя после того, как в день поцелуя я заглянула на кухню и объявила:

— Мама, папа, а мне, оказывается, нравятся девушки!

Отец уронил ложку для соуса на пол, похлопал глазами, затем пожал плечами.

— Вот и славно.

Мама подняла ложку и сполоснула в раковине.

— Хочешь поговорить об этом?

Помнится, я пожала плечами. Мы с папой часто так делаем.

— Не-а. Я просто подумала, что вам нужно знать.

К этому мы больше не возвращались.

Вероника Мэттьюз научила меня любви, поэтому люди, наверное, правы. От любви до ненависти, и правда, один шаг. Вероника заставила меня сделать каминг-аут, и в итоге она же разбила мне сердце своими пальчиками с безупречным маникюром.

Ненавижу ее! Тупая, эгоистичная...

Стоящий передо мной откашливается. Я отрываю взгляд от Вероники, которая маячит в глубине магазина, у фасованных зелий, и флиртует с девушкой, имя которой вылетело у меня из головы. Но смуглянка с черными кудряшками кажется знакомой. Она ведь была чирлидером в группе поддержки вместе с Вероникой?

У прилавка околачивается Эван Вэлк, высокий белый парень, очень худой, с карими, жирно подведенными глазами. Он улыбается, когда я наконец обращаю на него внимание.

— Привет, Ханна! — Эван выкладывает товар у кассы и запускает руки в недра боковых карманов.

— Все нужное нашел? — спрашиваю я и сдерживаюсь, чтобы не скривиться при виде хихикающей Вероники. Даже лавандовый фимиам, горящий за прилавком, не успокаивает мои нервы в ее присутствии.

Эван кивает, а его счет растет по мере того, как я сканирую товары. Черные свечи. Бечевка для связывающих ритуалов. Книга про ведьм. Фимиам. Атам, черный нож с обоюдоострым лезвием, которое используется только для управления энергетическими потоками. Я подавляю желание закатить глаза. Еще один регуляр (иными словами, обычный человек) изображает ведьмака.

Я сканирую последний товар и поднимаю взгляд на Эвана. Он нарядился готом с ног до головы — на нем черные джинсы, черная майка в обтяжку, на каждом пальце перстень — и от этого выглядит еще глупее.

— Восемьдесят четыре доллара девяносто пять центов.

Пока Эван прокатывает карту, я кусаю губы. С одной стороны, хочется его предупредить. Вообще-то викканская магия, основанная на почитании природы, — ерунда в сравнении с тем, на что способна я, но баловаться с силами, суть которых не понимаешь, все равно опасно.

Эвану я не говорю ни слова. Если выдам секрет, меня могут лишить дара.

Или наказать еще ужаснее.

Натянуто улыбаясь, Эван забирает пакет с покупками, переминается с ноги на ногу, но не уходит. Я растягиваю губы в «рабочей» улыбке, а сама жду не дождусь, когда он отвалит. Вероника до сих пор хихикает над чем-то сказанным мисс Как-Бишь-Ее. Общаться с ней совершенно не хочется, но нельзя ведь сбегать из магазина, когда в зале покупатель. Никогда не считала себя ревнивой, но, если эта парочка вскорости отсюда не уберется, я...

— Это Вероника? — Эван показывает на лежащий передо мной блокнот. На верхнем листочке набросок — Вероника превращается в злого демона. — Я слышал, что вы расстались.

Жгучий румянец заливает мне щеки. Я сминая листок и выбрасываю в мусорную корзину.

— Не хочу об этом говорить.

Ну конечно же Эван слышал. Вся школа неделями судачила о нашем прилюдном разрыве.

— Ладно, забудь, что я спрашивал. — Эван поправляет темную прядь. Напрасные хлопоты: волосы тотчас снова падают на глаза. — На костер сегодня идешь?

Я скупо улыбаюсь: спасибо, что сменил тему.

— Кажется, Джемма хочет, — отвечаю я. Раз моей лучшей подруге приспичило пойти на костер, который по окончании каждого учебного года устраивают в лесу,

значит, мне она пропустить мероприятие не позволит. — А ты, получается, тоже?

— Ага, буду обязательно. — Эван поднимает пакет с магическими принадлежностями: из маленькой дыры в полиэтилене торчит кончик агама. — До встречи сегодня вечером.

— До вечера, — отзываюсь я, но, едва он отчаливает, закатываю глаза. Дилетантов обоего пола и среди туристов предостаточно, но когда и местные, салемикие, наступают на те же грабли... что ж, это раздражает еще больше. Ведут себя так, будто главное — одежда и аксессуары. Типа, купил ожерелье, пару свечей — и готово, ты настоящая ведьма. Знали бы они, каковы мы, настоящие ведьмы, и на что способны... Небось ночью глаз не сомкнули бы.

Смех Вероники долетает до кассы.

От болезненного желания по спине бегут мурашки, но стынущая в венах кровь гасит чувство в зародыше. Пусть убирается из магазина. Пусть убирается из моей жизни, причем надолго, чтобы я успела ее забыть.

Увы, такое счастье мне не светит. Это эгоистичное, очаровательно проклятье моей жизни — из одного ковена с моей семьей, что было здорово, пока мы встретались, а сейчас...

— Ой, Ханна, я и забыла, что ты здесь работаешь. — Вероника бочком подбирается к кассе, в корзине для покупок — фимиам и свечи, а ложь рекой льется с леденцовых губ. — Как дела?

Я сканирую свечи, которые Вероника выложила на прилавок.

— Что ты здесь делаешь?

— Закупаюсь. — Усмехаясь, Вероника переглядывается с мисс Как-Бишь-Ее, и та щелкает жвачкой.

— У нас тут ловушка для туристов, цены завышены, и ты в курсе. — Я засовываю свечи в бумажный пакет. Во-

лосы у меня каштановые, длиной до плеч, сейчас они падают на лицо — получается неплохая ширма, заслоняющая от Вероники.

— Может, мне хотелось тебя увидеть. — Голос у Вероники — чистый мед, но мне в ее словах слышится подслащенный яд. — На эсэмэски мои не отвечаешь.

— Ну... это такой прозрачный намек. — Я кладу в пакет последний кусочек фимиама. — С тебя сорок четыре доллара девяносто девять центов.

Вероника протягивает наличку, ее пальцы задерживаются на моих. У меня по коже бегут мурашки, но она ничего не узнаёт. Нельзя, чтобы узнала, но ведь она до сих пор так на меня действует.

— Ханна, не надо обижаться! — почти искренне просит Вероника.

А как непринужденно она произносит мое имя! Я слабую поступивший к горлу комок — лишь тогда ко мне возвращается дар речи.

— Спасибо за покупку в «Полете у ночного котла»! Хорошего дня!

— Ладно, Ронни, пойдем! — Мисс Как-Бишь-Ее, которую Вероника не удосужилась представить, разворачивается и спешит к выходу, стуча каблучками.

Но Вероника мешкает. Опять задерживается. Будто хочет сказать что-то еще. У меня сердце рвется из груди — она наверняка слышит его стук. Я снова поправляю фирменную футболку «Котла».

— С каких пор ты позволяешь звать тебя Ронни? Ты же терпеть это не можешь.

Моя бывшая наблюдает, как ее подруга выходит из магазина. Убедившись, что мы одни, Вероника наклоняется через прилавок и смотрит на меня сквозь ресницы.

— Осторожнее, Ханна, а то подумаю, что ты ревнуешь.

Шею обдувает ветерок, направленный и усиленный потоком энергии Вероники. Лавандовый дым клубится между нами, ласкает щеку, скользит к ключице девушки, притягивая мой взгляд к открытому участку ее кожи.

— Что ты делаешь, черт подери?! — Кроме нас, я в магазине никого не вижу, но на всякий случай голос не повышаю, чтоб никто не подслушал. — Если леди Ариана засечет тебя за использованием магии на людях...

— Расслабься, Ханна. В такой магазинчик она в жизни не заглянет. Никто ни о чем не догадается. — Вероника впивается в меня изумрудными глазами, но я отступаю и отворачиваюсь.

Прилюдное использование магии — верный способ лишиться привилегий нашего ковена. А вот мне, например, совершенно не хочется, чтобы мое обучение откладывали лишь потому, что мерзавка-бывшая плюет на законы Совета.

Вероника со вздохом отстраняется от прилавка и перестает управлять воздухом. Ветерок стихает, превращаясь в естественный сквозняк.

— Довольна?

Ответом я ее не достаиваю. Веронике известно, что будет, если нас засечет регуляр. Если узнает наша верховная жрица.

— Слушай, Ханна, я хотела спросить... — Вероника треплет пакет со свечами. — Ты завтра придешь на выпускной? Кажется, я наконец-то довела свою речь до идеала.

— Правда? — В голосе у меня столько одобрения, что самой противно. Долгая дружба бесследно не проходит, хоть Вероника и причинила мне много боли. Я скрещиваю руки на груди и оглядываю магазин, убеждаясь, что мы пока еще одни. — Нет, не приду. Мне лучше лишиться магической силы, чем на твоём выпускном сидеть.

Слова повисают между нами, заряженные большей энергией, чем искусственный ветерок Вероники. Она от-

крывает рот, но не говорит ни слова. Неужели вспоминает день, когда мы покупали ей выпускное платье? Или тот вечер, когда ее официально объявили лучшей на выпуске? Или вспоминает, чем мы занимались сразу после того, как ее родители легли спать? Чувство вины щемит душу, но я его гоню. Это она виновата, что мы больше не вместе. Она причинила *мне* боль.

Вероника перекладывает пакет в другую руку, и ее лицо превращается в маску. Обиды уже нет. Нет девушки, которую я любила: ее вытеснила стерва, разбившая мне сердце.

Мисс Как-Бишь-Ее заглядывает в магазин, а потом направляется к прилавку.

— Ты в порядке?

— Конечно! — Натужно-лучезарная улыбка на губах у Вероники — словно меч в руках. — Я просто подумала, что забыла чек! — Она берет свою девушку под руку и дефилирует к двери.

Звон колокольчика объявляет об их уходе, а у меня чуть сердце не разрывается. В глазах стоят жгучие слезы, только лить их я не буду, не доставлю Веронике радости.

Она жестоко ошибается, если думает, что все лето может запросто являться ко мне на работу. Я олимпийская чемпионка по умению держать зло и таить обиду.

2

После работы я заезжаю в танцевальную студию, чтобы забрать Джемму с занятий по балету. Заметить ее легко: она почти на голову выше остальных. Когда в девятом классе Джемма вымахала до пяти футов девяти дюймов*, все уговаривали девушку пойти в баскетбольную секцию, но ее тело создано для танцев. Она не просто идет, а словно по сцене вышагивает и буквально заплывает ко мне в машину.

— Готова зажечь на сегодняшнем костре? — Джемма натягивает ремень безопасности и распускает пучок — белокурые волосы рассыпаются по плечам.

Я пожимаю плечами и выезжаю на дорогу.

Джемма хмурится.

— Ханна, это выражение лица мне знакомо. Что выкинула Вероника? — мрачно спрашивает она.

Когда Джемма так настроена, никаким переводом стрелок ее не собьешь, поэтому я рассказываю об инциденте с Вероникой, опустив прилюдное использование магии. Джемме известно обо мне все (за исключением того, что я Стихийница), но этот секрет я унесу с собой в могилу.

* Приблизительно 176 см. (Здесь и далее все примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат переводчику.)

Под конец моей истории в глазах у нее появляется убийственный блеск.

— Пусть твое начальство запретит ей заходить в магазин.

— По-моему, это немного чересчур, — говорю я, выруливая к последнему повороту на свою улицу.

— В отношении Вероники все всегда немного чересчур. Тебе нужно прийти в себя. — Джемма тянется к моей руке, когда я перевожу машину в парковочный режим. — По крайней мере, обещай, что на костре сегодня зажжешь. И станешь отрываться, пока не забудешь про нее!

— Обещаю.

Уже через несколько часов, когда солнце садится, а небо пунцовеет, Джемма успешно выполняет первую часть своей миссии. Мы готовы к вечеринке.

Треск костра приветствует нас, едва мы выходим из-за деревьев на скрытую от чужих глаз поляну, принимавшую несколько поколений учеников Салемской средней школы. Джемма обводит взглядом присутствующих.

— Мне только кажется — или сегодня все сексапильнее, чем обычно?

Я присматриваюсь к танцующим подросткам. Точно могу утверждать одно — одеждой сейчас скрыто куда меньше, чем в школе.

— Ты ведь еще ни капли не выпила, а глаза пьяные. Как так получилось?

— Я серьезно. Наверное, дело в отблесках костра. — Джемма направляется к кегу с пивом, наливает полный стакан, делает большой глоток и морщится.

— Вкусно, да?

— Первая порция — самая ужасная. Пока трезвая, не помнишь, какая дрянь это пиво. — Джемма снова поднимает стакан, но задерживает его возле рта. — Эй, ты как, ничего?

— Я в порядке. — Заставляю себя сосредоточиться на Джемме, а не на растущей толпе вокруг нас. Не желаю остаток вечера высматривать Веронику и мисс Как-Бишь-Ее. Джемма глядит в упор, и я вздыхаю. — Все будет хорошо. Обещаю!

За нашими спинами кто-то добавляет растопку в костер. Он с хрустом пожирает деревянные чурки, и я обращаюсь посмотреть. От неиспользованной магической силы покалывает кожу — пламя завораживает, манит, и я приближаюсь к нему, как муха к электрической мухобойке. Нельзя, нельзя мне растворяться в песне огня, только не среди регуляров. Джемма следует за мной, и мы вместе стоим у костра, раскачиваясь в такт музыке, которая льется из чьей-то тачки. Шаг, еще шаг — я подвигаюсь к пламени, пока не чувствую жар на лице. Энергия оmyвает меня, прогоняет мучительную боль от встречи с Вероникой, волшебным новокаином притупляет неприятные воспоминания.

Джемма трогает меня за локоть. В эдаком полутрансе поворачиваюсь к ней, и она кивает на Нолана Эбботта. Как и мы, Нолан переходит в двенадцатый класс, он новый капитан футбольной команды и неровно дышит к моей лучшей подруге.

— Похоже, у кого-то сегодня есть обожатель! — Я легко толкаю Джемму в плечо и шевелю бровями. — Он тебя интересуется?

Джемма встречает оценивающий взгляд Нолана.

— Не совсем в моем вкусе, — наконец говорит она. — Хотя... какого черта? Летний роман еще никому не мешал. — Джемма замолкает, кусая губу, и снова смотрит на меня. — Я не могу тебя бросить.

— Ничего страшного. Я у костра постою.

— Точно? — Джемма пронзает меня взглядом, и я киваю. — Когда вернусь, хочу, чтобы ты веселилась на полную катушку, а не хандрила из-за Сама-Знаешь-Кого.

Я поднимаю три средних пальца к усыпанному звездами небу.

— Честное скаутское! А теперь топай отсюда.

Улыбнувшись, Джемма плывет через поляну к Нолану, который делает вид, что не ждет ее. Когда Джемма подходит, он широко ухмыляется, а я поворачиваюсь к костру.

— Ханна!

Свое имя я слышу, но не реагирую, растворившись в мерцании пламени и пульсации музыки.

— Земля вызывает Ханну! Ханна, ответь Земле! — Голос с низким тембром раздается еще ближе, улавливаю в нем дразнящие нотки.

Я улыбаюсь, сообразив, кто оторвал меня от созерцания пламени, и оглядываюсь поздороваться.

— Привет, Бентон! Рад, что завтра выпускной?

— Испытываю радость и облегчение. Размышляю о своем месте во вселенной. — Бентон смеется, играя ямочками, от которых Джемма потеряла голову, когда мы были девятиклассницами, а Бентон — десятиклассником, только что переехавшим в Салем. — Выпуск до сих пор сюрсом кажется. Поверить не могу, что школе — конец, понимаешь?

Киваю, хотя самой мне еще год учиться.

— Уроки ИЗО без тебя не будут прежними.

— Уверен, вы справитесь. — Глаз у Бентона дергается, словно он хотел подмигнуть, но на полпути передумал. Смотрит парень не на меня, а на пламя.

— Ну... — начинаю я, жалея, что в руках нет ничего — даже бутылки. — Планируешь до колледжа замутить что-нибудь веселое? Вечеринку у бассейна в этом году устроишь?

— Вряд ли. Родители засекли меня вылавливающим из воды банки из-под пива и не обрадовались их числу.

В ответ я смеюсь. В прошлом году на вечеринке у него была туча народу.

— А как насчет вечеринки для двоих? Обещаю быть приличной гостьей. — Я подталкиваю его локтем. — Зря, что ли, целый год с тобой на ИЗО сидела? Должны же быть какие-то бонусы.

У Бентона розовеют щеки.

— Такое можно устроить. — Он проводит рукой по волосам, и я замечаю татушку.

— Классная татуха. — Показываю на черный треугольник у него на запястье. — Новая? Не помню, чтобы на уроках ее видела.

— Что? Ах да! Я заранее подарил ее себе на выпускной.

— Что она означает?

В костер подкидывают растопку, к небу взлетают искры. Бентон отступает на шаг и закрывает глаза рукой. Нехотя отступаю и я. Пламя, ласкающее лицо, и сила, пробуждающаяся от контакта, — это нечто совершенно бесподобное, но здесь магическому кайфу не место. Стихийницу огонь не обожжет, но зачем давать повод для вопросов о том, что одежда горит, а я — нет?

Бентон обводит пальцем треугольник на запястье.

— Это дельта. Символ перемен. Единственная вещь в жизни, на которую можно полагаться по-настоящему.

Короткий кивок — вот и весь мой ответ. Бентон ничего не добавляет, и я на него не давяю, растворившись в танце огня. Искры снова летят к небу. По спине бегут мурашки: костер большой, и будь мы одни, я бы такого натворила...

Бентон бочком придвигается ко мне, и что-то в его позе отвлекает мое внимание от пламени. Я вытягиваю шею, чтобы встретить взгляд парня.